

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-616-632

EDN: NOJZMC

УДК 81(091)

Научная статья / Research article

Макс Мюллер в истории языкознания: забытая классика или трамплин в будущее? К 200-летию со дня рождения

В.М. Алпатов¹ , О.И. Валентинова² , О.В. Никитин³

¹Институт языкознания РАН,
125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

³Петрозаводский государственный университет,
185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, проспект Ленина, 33

 olnikitin@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуализации идей крупного компаративиста XIX в. Макса Мюллера (1823–1900), современника А. Шлейхера, работавшего, как традиционно считают, преимущественно в русле натуралистического направления. Авторы исследования показывают, что достижения М. Мюллера необоснованно занижали, называя ученого популяризатором науки. Победа в немецком языкознании позитивизма ослабила интерес к трудам М. Мюллера: языкознание перестали воспринимать как естественную науку. Отмечается, что позитивистский подход отрицал «метафизическую» типологию, в русле которой мыслил М. Мюллер. Авторы приходят к выводу, что многие идеи и методологические установки М. Мюллера пережили его время и звучат актуально в гуманитарной науке XXI в., основывающейся на антропологическом осмыслении языковых явлений. М. Мюллер одним из первых различал филологию и лингвистику, смело экстраполировал установки компаративистики в другие области гуманитарного знания — мифологию, религию, новаторски применял социокультурный подход к анализу свойств языка и изучению архаичных текстов. Сопоставляются идеи М. Мюллера со сравнительно-историческими наблюдениями отечественных компаративистов — Ф.И. Буслаева и И.И. Срезневского. Подчеркивается, что в его работах обнаруживается связь философии с частными науками: языкознанием, теологией, историей культуры. В этом смысле «Наука о языке» может расцениваться как оригинальный опыт создания филологической герменевтики. Утверждается, что М. Мюллер изучал историческое пространство языка с актуальной для современной науки точки зрения — сравнительной семасиологии. Преломление его идей наблюдается в работах современных ученых — типологов, компаративистов, концептологов: В.А. Дыбо,

© Алпатов В.М., Валентинова О.И., Никитин О.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Ю.С. Степанова. В XXI в. вновь натуралистический подход выходит на новый уровень развития, а сравнительный метод — главный инструмент исследований М. Мюллера и других ученых Шлейхеровской эпохи — актуализируется не только в лингвистике, но и в филологии, истории религии, этнологии. Диалектический подход к вопросам типологического языкознания, примененный М. Мюллером, остается востребованным наукой новейшего времени.

Ключевые слова: компаративистика, натурализм, типологическое языкознание, системность, философия языка, лингвистическая методология

История статьи:

Дата поступления: 02.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Алпатов В.М., Валентинова О.И., Никитин О.В. Макс Мюллер в истории языкознания: забытая классика или трамплин в будущее? К 200-летию со дня рождения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 616–632. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-616-632>

Max Müller in History of Linguistics: Forgotten Classics or Springboard to Future? 200th Anniversary of Birth

Vladimir M. Alpatov¹ , Olga I. Valentinova² , Oleg V. Nikitin³

¹Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1, p. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russian Federation, 125009

²RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

³Petrozavodsk State University,
33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Russian Federation, 185910

 olnikitin@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the actualization of the ideas of the great comparative scholar of the XIXth century Max Müller (1823–1900), a contemporary of A. Schleicher, who, as is traditionally believed, worked mainly in the naturalistic trend. The authors of the study show that the achievements of M. Müller were unreasonably underestimated, calling the scientist a popularizer of science. The victory of positivism in German linguistics weakened interest in the works by M. Müller: linguistics was no longer perceived as a natural science. It is noted that the positivist approach denied the “metaphysical” typology, close in spirit to M. Müller. The authors come to the conclusion that M. Müller’s ideas and methodological attitudes survived his time into the future and sound relevant in the humanities of the XXIst century, based on the anthropological understanding of linguistic phenomena. M. Müller was one of the first scholars to distinguish between philology and linguistics, he boldly extrapolated the attitudes of comparative studies to other areas of humanitarian knowledge — mythology, religion, innovatively applied a socio-cultural approach to the analysis of language features and the study of archaic texts. The study compares M. Müller’s ideas with traditional historical

observations of national comparativist- and-historical observations of Russian comparativists — F.I. Buslaev and I.I. Sreznevsky. It is emphasized that his works reveal the connection of philosophy with private sciences: linguistics, theology, cultural history. In this sense, “The Science of Language” can be regarded as an original experience of creating philological hermeneutics. It is stated that M. Müller studied the historical space of language from the point of view relevant to the modern science of comparative semasiology. The refraction of his ideas is observed in the works of modern scientists — typologists, comparativists, conceptologists: V.A. Dybo, V.V. Ivanov, V.N. Toporov, Yu.S. Stepanov. Once again, the naturalistic approach is reaching a new level of development in the XXIst century, and the comparative method — the main research tool of M. Müller and other scientists of the Schleicher era — is being actualized not only in linguistics, but also in philology, history of religion and ethnology. The dialectical approach to typological linguistics applied by M. Müller, remains in demand by the science of modern times.

Keywords: comparative studies, naturalism, typological linguistics, systematics, philosophy of language, linguistic methodology

Article history:

Received: 02.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Alpatov, V.M., Valentinova, O.I. & Nikitin, O.V. (2023). Max Müller in History of Linguistics: Forgotten Classics or Springboard to Future? 200th Anniversary of Birth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 616–632. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-616-632>

Ошибки прошедшего готовят торжество грядущего

М. Мюллер «Лекции по науке о языке»

[1. С. 12].

Введение

6 декабря 2023 г. исполняется 200 лет со дня рождения Макса Мюллера (1823–1900), одного из виднейших языковедов XIX в.

Всё в биографии этого ученого было необычно. В годы, когда в Европе формировались и развивались национальные традиции и создавались национальные научные школы, М. Мюллер работал в трех странах (Германии, Франции, Великобритании) и писал на трех языках. Однако затем он выбрал Великобританию, где теоретическая лингвистика была тогда наименее развита, и главные лингвистические работы издавал на английском языке.

М. Мюллер был сыном известного немецкого поэта Вильгельма Мюллера, не забытого до сих пор, поскольку на его стихи писал музыку Франц Шуберт. Будущий филолог учился в Лейпциге и Берлине, исследовал санскритские рукописи и в 1844 г. издал свой первый перевод памятника. В 1845 г. М. Мюллер

навсегда покинул Германию и переехал в Париж, где начал собирать материалы для издания «Ригведы». Однако он не задержался в Париже и в 1848 г. окончательно переселился в Оксфорд, где долгое время преподавал, читал курсы М. Мюллер и в Кембридже. Менял он не только страны пребывания, но и научные интересы. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона отмечает любопытный факт: «С 1879 г. М. занимался обучением нескольких священников, присланных к нему из Японии для изучения санскритского языка. Эти занятия привели его к открытию древнейших санскритских рукописей, находившихся в Японии. Воспользовавшись ими, он издал санскритские подлинники многих буддийских текстов» [2. С. 359].

Лингвистические публикации М. Мюллера относятся преимущественно к раннему периоду его деятельности. Позднее он отошел от лингвистической компаративистики и занимался сравнительным религиоведением, пытаясь применить известные подходы и использовать исторические данные для сопоставления священных текстов разных религий. Эта идея была выстроена «по образцу науки о языке» [3].

Активные филологические поиски и эксперименты М. Мюллера пришлись на период расцвета компаративистики в Европе, которая была новым шагом вперед на пути эволюционного развития науки. О времени создания лингвистики спорят давно, но всем очевидно, что рубеж XVIII—XIX вв. — переход от логистического взгляда к сравнительно-историческому — стал той отправной точкой *современных* нам представлений о языке и оценок, которая получила мощный импульс на протяжении всего XIX столетия и оказала влияние на последующие этапы: «Начиная, по крайней мере, с первой трети XIX века, можно говорить о мировой науке о языке» [4. С. 10]. Но ее теоретическое осмысление, формирование методологии и разработка терминологии происходило не сразу. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы это расширившееся поле исследований было адаптировано к актуальным задачам того времени.

Имя Фридриха Макса Мюллера, или, как его часто называют, Макса Мюллера не столь широко известно современным языковедам. Но в XIX столетии он являлся заметной фигурой. Мы бы его отнесли к наиболее значимым компаративистам после Я. Гримма, Ф. Боппа, Р. Раска и его современника А. Шлейхера. Время расцвета преподавательской и научной деятельности М. Мюллера пришлось на 1860–1870-е гг. Именно в этот период он прочитал свои знаменитые лекции по «Науке о языке» (1861–1863) и «Наслоение языка» (1868). Безусловно, наряду с А. Шлейхером он был крупнейшим представителем влиятельного в те годы натуралистического направления, исходившего из представления о биологической природе языка и о языкознании как естественной науке.

И все же время лингвистического взлета М. Мюллера оказалось не таким долгим. Он как-то незаметно исчез из дискуссий конца XIX века, и еще при

его жизни автор статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, признавая значение М. Мюллера в публикации санскритских памятников, полагал, что он «настоящим языковедом никогда не был» [2. С. 360].

В двадцатом веке его почти не вспоминали. В борьбе идей (а рубеж XIX—XX вв. именно так и следует оценивать) победили новые взгляды и подходы — синхронические, социологические, формальные. М. Мюллера же можно отнести к лингвистам, работавшим тогда, когда у компаративистики еще не было альтернативы. Ученые другого свойства (И.А. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр) «выходят на первый план в эпохи кризиса, когда вызревает новая научная парадигма» [5. С. 5]. Между тем главная книга М. Мюллера «Наука о языке» в 1860-х гг. была встречена очень положительно и вобрала в себя компендиум знаний по сравнительной филологии. В ней присутствовал не только традиционализм, но и была заметна авторская линия.

Отметим очень редкое для первой половины XX в. сочувственное отношение к М. Мюллеру у Р.О. Шор. Она отличалась большой эрудицией в области истории языкознания, однако упрощенно сводила эту историю к борьбе материализма и идеализма в науке. Последний, по ее мнению, господствовал в мировой науке о языке XIX в., хотя М. Мюллер был одним из немногих исключений. Она писала: «Элементы материализма, осмеянные и отброшенные господствующей наукой, обнаруживаются у немногих занимавших маргинальное положение языковедов, в том числе у М. Мюллера» [6. С. 9]. Вряд ли дело было в материализме, но о маргинальном положении сказано верно. Отметим, что в последнее время М. Мюллера стали вспоминать как своего предшественника специалисты по дальнему родству языков (об этом сообщила нам в личной беседе А.В. Дыбо).

Феномен «Науки о языке» в отечественной лингвистике XIX века

Однако в 1860–1870-х гг. всё было иначе, и лекции М. Мюллера стали заметным явлением в языкознании. В предисловии к изданию новых лекций [7; 8] один из переводчиков, Д. Лавренка, писал: «Богатство и разнообразие везде освещены теми гениальными обобщениями, которые составляют прелесть прежнего курса и из настоящего делают стройное целое» [7. С. I]. Второй выпуск предваряется небольшим вступлением «От переводчика», где, как кажется, личный восторг профессионального читателя, адаптировавшего лекции к русскому языку, еще более усиливается: «Нет сомнения, что лекции эти должны быть настольною книгою не только у каждого преподавателя какого-либо языка, а тем более русского, каждого образованного человека и любителя лингвистических исследований, но и для учащихся...» [8. С. I]. Какие же вопросы рассматривает ученый?

Первое, что импонировало отечественным филологам в идеях М. Мюллера, был его интерес к истокам национальных культур (к мифологии, фольклору, другим артефактам), связанным с развитием языка.

Близко к воспринятой ученым идее народности стояло его понимание эволюционных процессов как части *естественной* истории человечества. Он писал в продолжении лекций: «Более чем когда-нибудь во мне окрепло в настоящее время убеждение, что без науки о языке тот круг наук, которому по преимуществу посвящено это ученое учреждение, круг естественных наук, был бы не полон» [7. С. 6].

М. Мюллер так же, как и русские филологи (А.Х. Востоков, И.И. Срезневский), стремился проникнуть в «детство языка» и, подобно В. фон Гумбольдту, занимался проблемами антропологии культуры и с этих позиций оценивал так называемые «дикие» языки. Показательна такая реплика из лекций М. Мюллера: «...поучительно изучение *дикарских* (nomad) языков, которые мы так называем в отличие от *гражданственных* (state) или культурных. В них мы встречаемся с такими явлениями, которых уже не можем ожидать даже в самом древнем санскрите или еврейском языке. В них раскрывается детство языка со всеми его детскими причудами, из них мы, наконец, выносим то убеждение, что много еще есть в языке такого, о чем и не снилось нашим философам» [7. С. 40].

Во второй лекции «Язык и разум» М. Мюллер, отталкиваясь от Лейбница, размышляет об искусственном языке, насмешка над которым была «своего рода модой» [7. С. 44] в то время. Можно сказать, что ученый шел по пути универсализации кодов языка и одновременно с этим предлагал искать типологические сходства между знаками разных языков.

Шестую лекцию М. Мюллер посвятил «началам этимологии», которая также подвергалась насмешкам из-за вольтеровской шутки, жившей, очевидно, и в умах ученых XIX века. Исследователь справедливо писал, что «только в настоящем столетии этимология стала наукой, и замечательно, что саркастическое определение Вольтера оказалось одним из основных ее принципов» [7. С. 231]. М. Мюллер говорит о том, что этимология не занимается только звуками, а ее задача «не состоит уже больше в том лишь, чтобы показать, где одно слово происходит от другого; она задается теперь исследованием этого перехода одного слова в другое, раскрывая его правильность и необходимость» [7. С. 232].

Первая часть книги балансирует между научным исследованием и дидактической книгой. Для университетского образования в России это было необычно. Наши учебники, может быть, за исключением книги Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», еще не выходили за границы «греческой грамматики». Таким каламбуром называли «Практическую русскую грамматику» Н.И. Греча, над которой иронизировали из-за его логических взглядов и неприятия достижений в компаративистике. У М. Мюллера

мы видим иное: обширная глава посвящена образованию звуков с подробными «физиологическими рисунками», фонетической транскрипции, особенностям звуковых изменений.

Во второй части лекций ученый перешел от традиционного языкознания (седьмая лекция называлась «О силе корней», а восьмая — «Метафора») к сравнительной мифологии (IX–XII лекции) [8]. В этом можно было бы усмотреть нарушение стройности курса, однако в концепции «Науки о языке» М. Мюллера прослеживается общая линия: связь истории языков, натурфилософии и мифологии, стремление понять, как в слове отражается дыхание эпохи, как язык взаимодействует с мыслью. Поэтому лингвистические наблюдения М. Мюллера — это еще один шаг к созданию филологической герменевтики. Такой подход к пониманию языка близок отечественным ученым XIX — начала XX века (Ф.И. Буслаеву, А.А. Потебне, А.Н. Веселовскому и др.).

В наше время в работах отечественных компаративистов неявно прослеживаются и другие идеи М. Мюллера. Так В.А. Дыбо занимался разработкой теории отдаленного родства языков и реконструировал палеокультуру по языковым источникам. Особенно удачно у него получилось это применить к концепции славянской сравнительно-исторической акцентологии. Но не только. Размышляя об индоевропейской проблеме, он использовал данные археологии и этнологии для реконструкции и датировки древних культур [9. С. 75–94]. Известный компаративист С.А. Старостин выявлял культурную лексику в словарном фонде [10]. Наблюдения М. Мюллера над синтезом разных традиций и наук отчасти продолжил Ю.С. Степанов в книге «Методы и принципы современной лингвистики», в которой на материале индоевропейских языков показал, как работают оппозитивный метод и метод моделей в диахронической лингвистике [11]. А его фундаментальное исследование «Константы: Словарь русской культуры» [12] является отличной иллюстрацией того, как рождаются и анализируются концепты — семиотические ряды слов, объединенные общими смысловыми и ценностными парадигмами (в нем анализируются не только этимологии понятий, но и стили мышления, «ментальные изоглоссы в культуре» и др.).

Типологические идеи М. Мюллера в свете системной лингвистики

Причины типологического различия языков, причины языковой эволюции, ее закономерности — таковы глобальные проблемы, поднимавшиеся в XIX в. учеными-филологами. Среди них М. Мюллер, которого российская читающая публика знала более всего по его мифологической теории, оказавшей чрезвычайное влияние на отечественную мифологическую школу. А лекции по науке о языке, которыми зачитывались современники, в том числе и в русском переводе, постепенно подменили пересказами его идей

и, схематизировав их, подытожили: «...способствовал широкой популярности Мюллера талант живого художественного изложения... чисто лингвистических исследований у него совсем не имеется. Лекции его по общему языкознанию, теперь совсем устаревшие, с самого начала стояли ниже современного им уровня науки» [2. С. 360]. В конечном счете, языковедческие идеи М. Мюллера сузили до экстраполяции дарвинизма в языкознание, ограничив их жизнь жизнью автора.

Падение известности М. Мюллера, возможно, связано и с тем, что ему в отличие от ряда других языковедов XIX в. не удалось создать заметной научной школы. XIX в. не стал в отличие от следующего века англоязычной эпохой в языкознании, а во Франции и особенно в Германии тогда победил позитивизм и языкознание перестало считаться естественной наукой (эта идея вновь возникнет в середине XX в. совсем на иных основаниях).

Будучи почти ровесником А. Шлейхера и пережив его более чем на 30 лет, Мюллер-лингвист воспринимался как ученый шлейхеровской эпохи, сыгравший положительную роль как популяризатор, но не больше. Может быть, поэтому он вскоре после смерти А. Шлейхера окончательно перешел к другим сюжетам. Но его оценка в последовательно позитивистской энциклопедии была глубоко несправедливой. Надо учитывать, что позитивистское языкознание вообще отрицало «метафизическую» типологию и единственной научной классификацией считало генетическую, поскольку ее можно строго доказывать.

В сочинениях М. Мюллера содержание неразрывно связано с формой выражения. Сеть тончайших сопоставлений характеризует не столько манеру изложения, сколько свойство научного мышления ученого. Признавая язык совершенным созданием, М. Мюллер писал: «Всякий оттенок мысли, находящий выражение себе в столь законченной и с такой точностью составленной системой времен, наклонений и частиц греческого языка (имеется в виду древнегреческий язык. — *В.А., О.В., О.Н.*) может быть и был действительно выражен средствами на этом языке грудных младенцев (подразумевается китайский язык. — *В.А., О.В., О.Н.*) словами, в которых нет ни префикса, ни суффикса, ни окончаний для обозначения числа, падежа, времени, наклонения или лица» [13. С. 14].

В подтверждение этой мысли М. Мюллер обращается к сопоставлению языка с природой: «В природе не может быть заблуждений; ошибка должна быть с нашей стороны. Это убеждение жило в душе Аристотеля, когда, несмотря на свое далеко не полное знание природы, он объявил, что в природе нет ничего вставного или бессвязного, как в плохой трагедии; и со времени Аристотеля каждый новый факт и каждая новая система подтверждали его убеждение» [1. С. 12–13].

Любопытно, что мысль о совершенстве языка ставили ему в упрек, отмечая ее расхождение с теорией эволюции точно так же, как ставили в упрек

аналогии с идеями Дарвина. Но было бы упрощением считать, что теорию Дарвина Мюллер буквально переносил на понимание языкового развития. Она больше давала повод к сопоставлению, поискам соприкосновения и расхождения в изменении биологического организма и языка. И языкознание, и биология работают с системами. Разными, но системами. Надо сказать, что эта мысль (о совершенстве языка) обосновывается в сравнительно недавних работах профессора Г.П. Мельникова с позиций системологии: каждый язык со всеми особенностями его типологического строя в каждый момент его существования, являясь естественно сложившей саморегулируемой адаптивной системой, совершенен для выполнения им основной функции в сложившихся условиях, которые Г.П. Мельников называл внешней детерминантой [14].

Совершенство любого типа языка и сегодня не является аксиомой. В исследовании причин стадильности лингвисты продолжают связывать в той или иной степени изменение стадии языкового строя с изменением стадии ментального развития. Например, все еще соотносят отсутствие разграничения между подлежащим и сказуемым в словопредложении предельно инкорпорирующих языков с недостаточной развитостью логического мышления их носителей.

В лекции М. Мюллера о наслоении языка воспроизводится высказанная ранее В. фон Гумбольдтом мысль о том, что развитие языка возможно только по линии усложнения грамматики, достигающей наивысшей степени во флективных формах. Однако стабилизироваться строй языка может на разных этапах универсального вектора развития.

М. Мюллер вслед за А. Шлейхером воспроизводит модель преемственных состояний языка, соответствующих, правда, не четырем, а трем грамматическим типам, хотя В. фон Гумбольдт уже выделил инкорпорацию в отдельный тип:

- RR, где R — корень, не подверженный фонетическим изменениям;
- R + ρ, или ρ + R, или ρ + R + ρ, где ρ — фонетически измененное «пустое» (служебное) слово, утратившее знаменательное значение, которое у него было ранее;
- гр, или рг, или ргр — фонетически искаженные «полные» и «пустые» слова (знаменательные и служебные), «сплавленные в одну смешанную массу» (соединенные фузией).

Возникновение моделирования как метода говорит о том, что «научная дисциплина имеет уже многоярусную *систему методов* и, по-видимому, целый подкласс логических моделей, то есть моделей методов определенных этапов исследования как элементов, включенных в стратегическую систему этапов как метод весьма высокого яруса» [14. С. 160].

Идея изменения одного языкового типа в другой встретила резкую критику в современном М. Мюллеру научном сообществе даже со стороны таких мыслителей, каким был Август Фридрих Потт, первым обосновавший научную этимологию индоевропейских языков [15].

Сегодня идея перехода разрабатывается по линии стадиальных перестроек между предельно инкорпорирующими языками и флективными с переходным эргативным инкорпорирующим состоянием и возможными иными дискретными состояниями не предельно инкорпорирующих форм и выдвинута гипотеза существования трех независимых осей стадиальных перестроек, опирающаяся на понятие внутренней формы языка, смысл которого раскрывается через понятие номинативного ракурса языка [16].

Отстаивая идею изменения языкового типа, М. Мюллер пишет о «наслоении» в языке: в корнеизолирующем языке есть агглютинирующие формы, а в агглютинативных языках обнаруживаются элементы флексии. Нет в действительности языка, который можно было назвать исключительно однословным, агглютинирующим или «флективным». М. Мюллер раскрывает себя как диалектик, принципиально чуждый механистическим представлениям: «Не столь затруднительно показать переход от одного слоя языка к другому; гораздо труднее провести отчетливым образом демаркационную линию между различными слоями» [13. С. 18]. В этом высказывании можно прочесть предвосхищение идей, которые позволили в дальнейшем обнаружить стадии таких переходов и синтезировать морфологическую классификацию языков со стадиальной в системной типологии языков.

Вполне выражен в сочинениях М. Мюллера передовой и на сегодняшний день методологический принцип взаимодополнения результатов, полученных разными исследователями: «Хотя система Птолемея была неверна, однако даже, с ее эксцентрической точки зрения, были открыты законы, определившие истинное движение небесных тел. Уверенность, что еще остается нечто необъясненное, непременно приведет к открытию нашего заблуждения» [1. С. 12].

М. Мюллер и сравнительные науки

Интеллектуальный диалог с античной мыслью, традиция соотносить науку частную с другими частными науками и с идеями общей философии и связывают М. Мюллера со своим временем, и выделяют его среди современников. Его «Сравнительная мифология» [17], переведенная на русский в 1863 г., — одна из первых работ, в которой раскрывается значение языка в формировании мифов. Идеи М. Мюллера самым существенным образом повлияли на русскую мифологическую школу. Ее основатель Ф.И. Буслаев писал: «Чтобы во всей ясности определить смысл какого бы то ни было мифа, надобно пользоваться здравыми этимологическими его основами. Сравнительная филология, произведя полную реформу в грамматике и словопроизводстве классических языков, приложила этот принцип к правильно-му изучению классической мифологии, и отныне никакой миф не может быть до конца объяснен в точности, пока не будут подвергнуты этимологическому разбору самые имена действующих в мифе лиц» [18. С. 333].

М. Мюллер, знаток санскрита, исследователь и переводчик древних индийских рукописей (см. знаменитую «History of Ancient Sanscrit Literature» [19]), в этимологических исследованиях опирается на ведийские источники: «...не сходя еще с почвы индоевропейских народностей, мы должны познакомиться с той теорией, которую составили ведисты для объяснения мифологического развития этих народностей. В этом отношении первое место отводим мы блистательным гипотезам М. Мюллера» [18. С. 332].

Сравнительное поле в его работах все время расширяется, к сопоставлению подключаются космогонии «современных дикарей», ограничение в лингвистическом анализе связано только с незнанием их языков. Ф.И. Буслаев отмечает эту кажущуюся ему уникальной для санскритолога особенность исследовательского метода М. Мюллера, проявлявшего глубокий интерес к работам по мифологии индейцев Центральной Америки: «Но что особенно замечательно — и сами ведисты, ограничивающие науку строгими лингвистическими и филологическими основаниями, не только не пренебрегают этой областью, потому что не могут ее разрабатывать лингвистически, но и уделяют ей часть своего времени, столь дорогого для открытий по древнеарийской древности. ...Ясно, что когда речь идет о первобытности нравов, обычаев и воззрений, то ведисты не могут обойти своим вниманием того, что в диком варварстве, может быть, еще предшествует маститой давности арийских „Вед“. ...Говоря о первобытном состоянии народов индоевропейских в их доисторических зародышах, открываемых в языке и текстах арийских „Вед“, мы нашли во всех языках этих народов глубоко вкоренившееся предание о семье с ее родственными разветвлениями, а в основе мифологических воззрений на природу, следуя М. Мюллеру (Essays, I, 272, II, 223) и другим лингвистам, мы усмотрели исконное у всех этих народов чествование света, неба и солнца в их борьбе с мраком и зловредными крайностями» [18. С. 359].

Влияние М. Мюллера на развитие научной мысли не всегда было прямым, в полемике с ним вырабатывались научные представления А.А. Потебни [20], который, опираясь, с одной стороны, на идею М. Мюллера о связи языка и мифа, одновременно доказывал, что не мог язык, как полагал М. Мюллер, быть сначала сознательно метафоричным, а потом, забыв первоначальную метафоричность, начать порождать мифы. В полемике с М. Мюллером А.А. Потебня показал, что первоначально в языке господствовали не отвлеченные, а конкретные значения.

Так труды М. Мюллера создали не только актуальную и сегодня научную традицию, методологически поддержав школу компаративистики в разных областях знания, но и столь необходимое для развития науки живое полемичное поле (см. труды Вяч. Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе [21], А.Ф. Лосева [22], В.Н. Топорова [23] и др.), без которого невозможно возникновение независимой мысли.

Лингвистическое наследие М. Мюллера

Лингвистическое наследие М. Мюллера, так ярко заявившего о себе в эпоху открытий в области компаративистики, на долгие годы «потерялось» среди имен Ф. Боппа, А. Шлейхера, Ф.Ф. Фортунатова, создавших свои *школы*. Их идеи и книги до сих пор обсуждаются, а памятные юбилеи стали доброй традицией. Так, в 2016 г. в Институте языкознания РАН отмечали 200-летие выхода в свет первой крупной работы Ф. Боппа, положившей начало триумфальному шествию сравнительно-исторического языкознания в Европе; с 2018 г. в Петрозаводском государственном университете проходят «Фортунатовские чтения»; в 2022 г. в МГУ состоялась международная научная конференция «Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868)». О М. Мюллере и сейчас пишут редко, но можно отметить диссертацию «Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое» [24]. Эту лакуну в отношении М. Мюллера (и не только его) можно объяснить отчасти нашей невнимательностью к истории и методологии языкознания. С другой стороны, развиваясь спиралевидно, наука в разные времена выдвигает свои критерии: доминирующие направления сменяются маргинальными, и наоборот [4]. Так случилось и с натурализмом, которым «болели» лучшие умы XIX в.: «...когда в 1922 году, т. е. уже в структуралистский период, во Франции появилась последняя работа в духе натурализма, она уже воспринималась как анахронизм» [4. С. 10–11]. Даже труды такого корифея компаративистики, как А. Шлейхера, уже к 1880 г., по признанию А. Мейе, имели бы «только исторический интерес» [25. С. 466]. Этот «переворот» он отнес к 1875–1880 гг. Влияние А. Шлейхера постепенно ослабевало [26. С. 10].

Однако, как мы доказали, М. Мюллер был не только ярким натурфилософом в лингвистике, но и типологом, классификатором — *теоретиком новой науки о языке*. В своих работах он пытался предугадать развитие лингвистики и стремился к тому, чтобы целостный подход к анализу языка преобладал над разрозненными фактами и экспериментами.

То, что работы М. Мюллера издавались в России XIX в. в переводе на русский язык (в 1866 г. в воронежском журнале А.А. Хованского «Филологические записки» публиковался курс лекций по науке о языке М. Мюллера, в 1868–1870 гг. [7; 8] они вышли двумя выпусками отдельным оттиском, а в 1871 г. там же — лекция «Наслоение языка» [13]), свидетельствует о симпатии к нему и отечественных филологов. Хотя у нас натуралистическое направление в лингвистике не было так ярко выражено и не сформировало отдельную школу, очевидно, что мюллеровские интерпретации «наслоений в языке» были созвучны компаративистским мотивам буслаевской мифологической школы, мыслям И.И. Срезневского о связи языка с народным творчеством [27]. Можно с уверенностью сказать, что антропологизм

М. Мюллера, пусть и не совсем зрелый с точки зрения методологии, лег на питательную почву компаративистики, искавшей и находившей *человеческое* в языке. В этом состоит немала заслуга М. Мюллера и первопроходцев его поколения.

Другой чертой его творчества можно назвать живую увлеченность древностями. Этим объясняется интерес ученого и к языкам, и к религиям, и к истории философии. Он обладал уникальным даром популяризации сложных научных идей, что до сих часто воспринимается как вторичное знание. То, с каким вдохновением писал ученый о языковых и религиозных центрах развития (арийском, семитском и туранском), позволило ему применить сравнительный метод не только в лингвистике, но и в религиоведении, то есть расширить историческое поле языка, найти общие генетические связи между разными семиотическими системами, рассмотреть архаичные тексты сквозь призму, как бы сейчас сказали, социокультурного подхода — то, что признается перспективным в науке XXI в. М. Мюллер не боялся идти своим путем в компаративистике, а «популяризаторство», и в особенности натуралистические взгляды ученого, за что его критиковали последователи и современные ученые [24], можно рассматривать в ином герменевтическом ракурсе: он не являлся строгим компаративистом-классиком, этимологом и грамматистом, не был апологетом только одного метода, а синтезировал идеи философии языка с лингвистической концепцией. У своих учителей М. Мюллер перенял главное — интерес к праистории, поиску сходств языков и культур как цивилизационных явлений. Он был проповедником идей сравнительности в самом высоком духовном смысле этого слова и, наверное, сумел заглянуть в будущее филологического знания.

Заключение

Научная биография М. Мюллера, как и всякого талантливого человека, противоречива. В ней были и интересные находки, и объяснимое подражательство, вызванное скорее увлеченностью филолога лингвистическими идеями своего времени. Поражает широта и глубина когнитивного проникновения ученого в языковые миры, которые стали для него трамплином для поиска истины, духовного совершенствования. Не изменяя основным принципам компаративистики, он в работах нащупал, порой прозорливым наитием филолога-самородка, пути развития сравнительно-исторического языкознания и вывел эту науку за пределы поля изучения только древних языков и памятников. Очевидно, что, находясь под влиянием натурализма, он, как и его учителя, не мог полностью освободиться от довлевших над наукой концепций. При этом философское, или, скажем по-современному, лингвокультурологическое начало в работах позднего времени вышли на первый план, оставив позади традиционную методологию компаративистики. Одни увлечения

сменились другими: М. Мюллер прошел большой путь авторитетного лингвиста-пропагандиста и в конце его сознательно погрузился в сплетения религиозно-идеологических идей и изучение древних цивилизаций. Новые поиски придали ученому свежий импульс в решении проблемы языка — мифа.

В лингвистике второй половины XIX в. немало личностей и идей, которые неоднозначно воспринимались современниками. Языкознание того периода — эпоха открытий и соревнований. Тот, кто оказался на вершине пьедестала, получил лавры «основоположника». М. Мюллер и в его время был нетипичным компаративистом, а позднее стал восприниматься в научной аудитории чаще как популяризатор, хотя в лекциях ученого до сих пор можно найти ценнейшие, тончайшие факты и пересечения, выходящие далеко за стандарты лингвистического века компаративистики. Вопрос лишь в том, как их интерпретировать.

Библиографический список

1. Мюллер М. Лекции по науке о языке, читанные в Королевском британском институте в апреле, мае, июне 1861 г. СПб.: Издание редакции «Библиотеки для чтения», 1865.
2. Ловягин А.М. Мюллер Фридрих-Макс // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX (39). СПб: Семеновская типолитография И.А. Ефрона, 1897. С. 359–360.
3. Костылев П.Н. К 140-летию религиоведения. «Кто знает одну религию, не знает ни одной» (Ф.М. Мюллер) // Religio. Ru: журнал. 17.02.2010. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20150912060456/http://religo.ru/journal/5009> (дата обращения: 02.12.2022).
4. Алпатов В.М. История лингвистики: мейнстрим и маргиналы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2(870). С. 9–14. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_9
5. Алпатов В.М. История идей науки и история людей науки // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: Материалы Международной научной конференции / отв. ред. О.К. Ирисханова. М.: МГЛУ, 2020. С. 3–6.
6. Шор Р.О. На путях к марксистской лингвистике. М.; Л.: ОГИЗ, 1931.
7. Мюллер М. Наука о языке: Новый ряд чтений Макса Мюллера в Великобританском королевском институте в 1863 г.: пер. с англ.: (Lectures on the science of language. Second series. 1864). Вып. 1. Воронеж: В типографии В. Гольдштейна, 1868.
8. Мюллер М. Наука о языке: Новый ряд чтений Макса Мюллера в Великобританском королевском институте в 1863 г.: пер. с англ.: (Lectures on the science of language. Second series. 1864). Вып. 2. Воронеж: В типографии В.А. Гольдштейна, 1870.
9. Дыбо В.А. Язык — этнос — археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 75–94.
10. Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия / под ред. Б.Б. Пиотровского, В.В. Иванова, В.Г. Ардзинбы. М.: Наука, 1985. С. 74–94.
11. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
13. Мюллер М. Наслоение языка. Лекция, прочитанная в заседании Кэмбриджского университета 29 мая 1868 г. / перевод с англ. А. Чудинова. Воронеж: В типографии В.А. Гольдштейна, 1871.

14. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.
15. Pott A.F. Max Müller and the characteristics of language affinity // *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 1855. Bd. 9, 405–464.
16. Мельников Г.П. Системная типология языков: Синтез морфологической классификации со стадиальной. М.: РУДН, 2000.
17. Мюллер М. Сравнительная мифология / пер. с англ. И.М. Живаго. М.: тип. Грачева и К°, 1863.
18. Буслаев Ф.И. Русский быт и духовная культура / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015.
19. Müller F.M. *History of Ancient Sanscrit Literature*. London: Williams and Norgate, 1860.
20. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
21. Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 тт. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
22. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994.
23. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. В 4-х тт. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1–2. М.: Языки славянских культур, 2006.
24. Стекольников И.В. Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое: дисс. ... докт. филол. наук. Мытищи: МГОУ, 2020.
25. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938.
26. Алпатов В.М. Шлейхер, теория, метод // Сравнительно-историческое языкознание XIX—XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868): Материалы XI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во Московского ун-та, 2022. С. 10–16.
27. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1887.

References

1. Müller, M. (1865). *Lectures on the science of language delivered at the British Royal Institute in April, May, June 1861*. St. Petersburg: Biblioteka dlya chteniya. (In Russ.).
2. Lovyagin, A.M. (1897). Müller Friedrich-Max. In: *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. Vol. XX (39). St. Petersburg. pp. 359–360. (In Russ.).
3. Kostylev, P.N. (2010). On the 140th anniversary of religious studies. “Who knows one religion, knows none” (F.M. Müller). *Religio. Ru: Journal*. URL: <https://web.archive.org/web/20150912060456/http://religio.ru/journal/5009> (accessed: 02.12.2022). (In Russ.).
4. Alpatov, V.M. (2023). History of linguistics: mainstream and marginals. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(870), 9–14. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_9 (In Russ.).
5. Alpatov, V.M. (2020). The history of ideas of science and the history of people of science. In: *Science without borders: synergy of theories, methods and practice: Materials of the International Scientific Conference*. O.K. Iriskhanova (Ed.). Moscow: MGLU. pp. 3–6. (In Russ.).
6. Shor, R.O. (1931). *On the way to Marxist linguistics*. Moscow; Leningrad: OGIZ. (In Russ.).
7. Müller, M. (1868). *Lectures on the science of language. Second series by Max Müller at the British Royal Institute in 1863*. P. 1. Voronezh: V.A. Goldstein Publ. (In Russ.).
8. Müller, M. (1870). *Lectures on the science of language. Second series by Max Müller at the British Royal Institute in 1863*. P. 2. Voronezh: V.A. Goldstein Publ. (In Russ.).
9. Dybo, V.A. (2006). Language — ethnos — archaeological culture (A few thoughts on Indo-European problem). In: *Globalization — ethnization: ethno-cultural and ethno-linguistic processes*. In 2 books. B. 1. Moscow: Nauka. pp. 75–94. (In Russ.).

10. Starostin, S.A. (1985). Cultural vocabulary in the General North Caucasian dictionary fund. In: *Ancient Anatolia*. Moscow: Nauka. pp. 74–94. (In Russ.).
11. Stepanov, Yu.S. (1975). *Methods and principles of modern linguistics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
13. Müller, M. (1871). *Layering of the language. Lecture delivered at a meeting of the University of Cambridge on May 29, 1868*. A. Chudinov (Transl.). Voronezh: V.A. Goldstein Publ. (In Russ.).
14. Melnikov, G.P. (2003). *System typology of languages: Principles, methods, models*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
15. Pott, A.F. (1855). Max Müller and the characteristics of language affinity. *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 9, 405–464.
16. Melnikov, G.P. (2000). *System typology of languages: Synthesis of morphological classification with stadial*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
17. Müller, M. (1863). *Comparative mythology*. Transl. from English by I.M. Zhivago. Moscow: Grachev & K° Publ. (In Russ.).
18. Buslaev, F.I. (2015). *Russian life and spiritual culture*. Comp. and ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russ.).
19. Müller, F.M. (1860). *History of Ancient Sanscrit literature*. London: Williams and Norgate.
20. Potebnaya, A.A. (1989). *Word and myth*. Moscow: Pravda. (In Russ.).
21. Ivanov, V.V. & Gamkrelidze, T.V. (1984). *Indo-European language and Indo-Europeans: Reconstruction and historical and typological analysis of proto-language and proto-culture*. In 2 vol. Tbilisi: University of Tbilisi Publ. (In Russ.).
22. Losev, A.F. (1994). *Myth. Number. Entity*. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
23. Toporov, V.N. (2006). *Studies on etymology and semantics*. In 4 vols. Vol. 2. *Indo-European languages and Indo-European studies*. Books 1–2. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.).
24. Stekol'shchikova, I.V. (2020). *The naturalistic concept of language in linguistics of the XIX century: general and specific* [dissertation]. Mytishchi: MGOU. (In Russ.).
25. Meillet, A. (1938). *Introduction to the comparative study of Indo-European languages*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz. (In Russian).
26. Alpatov, V.M. (2022). Schleicher, Theory and Method. In: Comparative historical linguistics of XIX–XXI centuries. To the 200th anniversary of August Schleicher (1821–1868). In: *Proceedings of the XIth International Scientific Conference on Comparative Historical Linguistics*. Moscow: Moscow University Publ. pp. 10–16. (In Russ.).
27. Sreznevsky, I.I. (1887). *Thoughts on the history of the Russian language*. St. Petersburg: V.S. Balashov Publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт лингвистических исследований РАН; e-mail: v-alpatov@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0003-4323-2832; Scopus Author ID: 33067564500; ResearcherID: EJF-4777-2022

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; e-mail: ovalentinova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет; *e-mail*: olnikitin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2815-6691; Scopus Author ID: 57209316536; ResearcherID: AAE-8207-2019

Information about the authors:

Vladimir M. Alpatov, D.Sc. (Philology), Professor, Academician of RAS, Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia, Institute of Linguistics of RAS; *e-mail*: v-alpatov@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-4323-2832; Scopus Author ID: 33067564500; ResearcherID: EJJ-4777-2022

Olga I. Valentinova, D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, RUDN University; *e-mail*: ovalentinova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019

Oleg V. Nikitin, D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University; *e-mail*: olnikitin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2815-6691; Scopus Author ID: 57209316536; ResearcherID: AAE-8207-2019